

Александра Томоруг

Переосмысление сакрального контекста евангельских структур в современной литературе

Religious and Sacred Poetry : An International Quarterly of Religion, Culture
and Education 1/3, 45-64

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ALEKSANDRA TOMORUG (Černivci, Ukraine)
[АЛЕКСАНДРА ТОМОРУГ]
e-mail: Sasha_nasha85[at]mail.ru

Переосмысление сакрального контекста евангельских структур в современной литературе

Литература как образ действительности изначально несет в себе многозначность событий, имен, нравственных конфликтов и коллизий, которые создают духовную историю человечества. Природные катаклизмы, общественные катастрофы еще более акцентируют внимание на природе морально-психологических переживаний человеческой личности. Активное использование современной литературой евангельского сюжетно-образного материала подтверждает морально-этические и духовные запросы нашей эпохи, которая продолжает осмысливать природу добра и зла, любви и ненависти, веры и предательства, земного и небесного.

К проблеме функционирования евангельского сюжетно-образного материала в своих работах обращались А. Нямцу (монографии „Новый Завет и мировая литература” (1993) и „Миф. Легенда. Литература” (2007)); „Славянские литературы в общекультурном универсуме” (2012), В. Антофийчук („Евангельские образы в украинской литературе XX в.” (2001), А. Касьянов („Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX в.” (2007)), А. Татаринов („Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции” (2006)), И. Радов (словарь-справочник „Библия и болгарская литература” (1993)), В. Казак (монография „Образ Христа в русской литературе. От древности до наших дней” (1999)), О. Мень (статья „Новозаветные темы в зарубежной литературе XIX – XX вв.” или „В поисках настоящего Христа” (1991)) и др.

Функциональная активность литературных образов Иисуса Христа, Иуды Искарюта, Понтия Пилата, Марии Магдалины объясняется стремлением осмыслить архетипы поведения и

внутренний мир героев сквозь призму духовных представлений современного человека. А. Нямцу рассматривает традиционные сюжеты и образы как катализаторы и концентраты общечеловеческого опыта (памяти), содержащие в себе драматизм экзистенциальных состояний личности и мира в целом: „Основные аспекты переосмысления канонического сюжета разрабатываются писателями в направлении усиления гуманистического, земного содержания христианского учения, его обращенности к внутреннему миру человека, утверждению непреходящей моральной самоценности человеческого бытия”¹

И. Набитович объясняет использование современной литературой традиционного материала как поиски абсолютного императива, который „помог бы осмыслить как конкретно-национальные, так и общечеловеческие процессы»². Именно поэтому качественное переосмысление традиционного материала способствует осовремениванию евангельских максим, оживанию сюжетов и образов в новом культурно-историческом контексте. Но одновременно реалистичность перевоплощения евангельского материала требует безусловного сопоставления современного, реального с вечным, сакральным.

Рассматривая фантастические проекции Нового Завета в современной литературе, А. Нямцу акцентирует причину такого принципиального переосмысления, называя следующее обстоятельство: „фантастика пытается дать художественно-логическое объяснение тому сверхъестественному контексту Нового Завета, который во многом определяет восприятие культурного памятника в целом. [...] фантастические мотивировки, активно оперирующие псевдонаучными аргументами, в известном смысле трансформируют ирреальное и реалистичное”³, ориентируясь на универсальность осмысления общечеловеческих проблем, ситуаций, коллизий.

Дописывание, продолжение, формально-содержательное осовременивание, национально-историческая конкретизация хронотопа, создание эффекта эмоционально-личностного восприятия являются основными формами и способами

¹ А.Нямцу, *Славянские литературы в общекультурном универсуме*, Рута, Черновцы 2012, с.397.

² І.Набитович, *Sacrum і Біблія в українській літературі*, Ingvarr, Lublin, 2008, s.411.

³ І.Набитович, *Sacrum...*, op. cit., с. 401.

переосмысления евангельского сюжетно-образного материала современной литературой. Евангельские романы характеризуются трансформацией канонической сюжетной модели. Образ Христа покидает центр повествования, а герои евангельской периферии „получают право на реализацию архетипических действий, определяя канонический образ Спасителя”⁴. Именно герои окружения Христа (Понтий Пилат, Мария Магдалина, Иуда) оставляют лаконичную, краткую фабулу канона и приобретают биографию романного типа, расширяя семантическое пространство трактовки традиционного сюжета и образа.

Роли женщины, ее душевному складу и жертвенной любви в Новом Завете отводится особое место. Евангелие сообщает, что на всем пути земной жизни и служения Христа сопровождают женщины. Среди них и еврейские праведницы, и грешные язычницы, но всех их объединяет одно: каждая из них в той или иной степени послужила Христу. Они свидетельствуют об Иисусе, становятся образцами глубокой веры, отдают почести, получают исцеление, укрепляя веру окружающих (Елизавета, Анна-пророчица, самарянка, хананейка, кровоточащая, Мария Магдалина, Марфа и Мария, Иоанна, Мария Клеопова, Клавдия Прокула и др.).

Как образ, Мария Магдалина отражает не только религиозные, но и политические, социальные проблемы, роль и природу обычной женщины. Ее раскаяние и обращение к вере стало популярным мотивом в средневековых гимнах и продолжало традицию в литературе XX в. („Мария Магдалина” Г. Даниловского, „Евангелие от Иуды” Г. Панаса, „Грешница” А. Хейдок и др.). Онтология греха Марии Магдалины трактуется художественной литературой по-разному: это одержимость, бесноватость или блудный грех. Каноническая версия одержимости семью бесами объясняется в православной традиции как „число полноты”. В сочетании со словом „грех” указывается полнота удаленности Магдалины от Христа через одержимость бесами. Интересен тот факт, что в православной традиции такая зависимость трактуется как душевная болезнь, безумие, западная же традиция в этом аспекте отождествляет ее с блудницей. Уже в сознании средневекового европейского общества образ кающейся блудницы получил большую популярность, закрепившись сначала в „Золотой легенде”

⁴ А.Татаринов, *Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции*, Краснодар 2006, с.39.

Якова Ворагинского и найдя дальнейшее воплощение в многочисленных памятниках литературы и искусства (особенно ярко это наблюдается в литературе XX в., живописных полотнах, скульптурах, фресках и др.).

Современная литература, в отличие от литературы XX в., ищет ответ на вопрос о том, что стало причиной греховной жизни евангельской героини. В настоящее время существует несколько литературных трактовок, которые объясняют природу одержимости Магдалины: 1) отступничество от веры, что проявилось в находке языческого оберега (маленькой статуи идола Ашеры), сохранение которой перерастает в одержимость семью бесами (М. Джордж „Тайная история Марии Магдалины”; 2) совершение блудного греха (А. Мей „Жена Пилата или Тайна прокуратора”); 3) грех похоти, ставший причиной одержимости семью бесами (Н. Шейко-Медведева „Ніч остання. Апокрифи про зачаєних”).

О природе любви Магдалины к Христу узнаем из диалога с Богородицей в современном романе Н. Шейко-Медведевой: „Я любила каждый миг Его жизнь и каждое мгновение своего существования возле него. Любила Его, когда Он умирал и когда умер, но я никогда не хотела, чтобы он взял меня как женщину. Если бы Он прикоснулся ко мне, как мужчина, я бы умерла от ужаса и разочарования, ибо Он перестал бы быть для меня Господом. Не похоть лучила меня с Ним, а любовь”⁵. Именно природа любви к Христу создала многочисленные рецепции образа Марии Магдалины в современном литературном контексте. Каждая новая интерпретация образа героини в той или иной степени воспроизводит *характер одержимости* любовью к Спасителю, как результат исцеления: верная последовательница-апостол (Леся Украинка „Одержимая”, С. Черкасенко „Цена крови”, В. Валтос „Магдалена. Кровь Христова”, М. Джордж „Тайная история Марии Магдалины” и др.); спутница Христа (Г. Даниловский „Мария Магдалина”, К. Макгоуэн „Тайна Магдалины”, М. Фредрикссон „Крест любви. Евангелие от Магдалины” и др.).

Показателен роман У. Валтоса „Магдалена. Кровь Христова” (2007), в котором воспроизводится морально-психологический образ Марии Магдалины в взаимоналожении двух времен: современного и евангельского. Перед нами предстает девушка, которая считает себя перерожденной Марисей Магдалиной, помня все подробности жизни евангельской героини и поражая знанием

⁵ Н.Шейко-Медведева, *Ніч остання. Апокрифи про Зачаєних*, ЛА «Піраміда», 2008, с.264.

нескольких языков, в том числе и арамейского: „Иногда она ни с того, ни с сего произносила длинные речи на языке, которого никто не понимал. Она не признавала обет послушания и права священников, в соборе постоянно комментировала литургию, причем ее слова звучали как богохульство” [...] „Кроме этого у нее иногда возникает так называемая семантическая память – набор общих знаний, содержащая в себе фактический материал, языки, традиции и культурные особенности. Но все эти воспоминания о другом времени – от античности. И, похоже, память принадлежит не ей, а другому человеку, который жил две тысячи лет назад”⁶. На самом деле, такое поведение было небезосновательным, ведь „к ней в виде образов приходили воспоминания из прошлой жизни”⁷. Мотив воспоминаний из прошлого становится промежуточным звеном в литературной реконструкции драматической жизни Марии Магдалины до встречи с Христом и после исцеления.

Драматическим моментом в романе также является сопоставление двух фигур: евангельская героиня со временем осознает, что наследует память жизни Марии Магдалины: „Ребенком я представляла ее злой женщиной, попавшей в лапы к Сатане. Представь себе только, что я почувствовала, когда узнала, что женщина, о которой они говорят... эта блудница... эта проститутка... я сама в прошлой жизни?”⁸. Но одновременно „у нее была привычка связывать воспоминания двух жизней, словно она была частью одного временного континуума”⁹. Если в литературных произведениях XX века доминантным становится изображение борьбы чувственного и духовного, то в современном (данном романе) – столкновение прошлого и настоящего, что обусловлено мотивом перевоплощения.

Осовремененный образ Марии Магдалины в романе У. Валтоса насыщенный драматическими моментами эмоционально-психологического состояния героини, указывает на доминантные аспекты взаимоотношений с Христом и другими апостолами. Литературная героиня исцеляет больных, обладает необычайной эрудицией и глубокими знаниями языков, что резко выделяет ее среди остальных учеников. Образ независимой и целеустремленной женщины становится литературным архетипом,

⁶ У.М.Валтос, *Магдалена. Кровь Христова*, Гелеос, Москва, 2007, с.46-47.

⁷ *Idem, Магдалена...*, *op.cit.*, с.46.

⁸ *Idem, Магдалена...*, *op.cit.*, с.375.

⁹ *Idem, Магдалена...*, *op.cit.*, с.427.

который широко распространен в современной евангельской прозе. На страницах романа вырисовывается история своеобразного „оживания” евангельской героини в сложном эмоционально-нравственном окружении современной цивилизации, имеет свой взгляд на прошлое и выдвигает новые духовные идеалы.

Особенности и специфику функционирования творческой рецепции евангельских образов наблюдаем в прочтении романа „Тайная история Марии Магдалины” (2009) английской писательницы Маргарет Джордж. В центре романа – жизнь евангельской героини, интерпретированная автором в форме литературной биографии: из моментов раннего детства до ее становления как женщины-апостола.

Роман М. Джордж является образцом литературных приемов продолжения и дописывания евангельского традиционного материала. Композиционная структура романа мозаичная, поскольку в сюжетную канву вносятся эпистолярные вкрапления (письма героини, представленные как отдельные документы), создающие эффект достоверности, реалистичности, максимально приближая события двухтысячелетней давности. Сюжетно-композиционная структура заключается в разделении на три части: „демоны”, „ученица”, „апостол”, отражающие эволюционное восхождение образа евангельской героини от одержимой к ученице Христа. Именно поэтому жизнеописание Марии Магдалины в романе четко разделено на три периода, каждый из которых характеризует героиню на определенном этапе формирования ее личности.

История „одержимости” Магдалины начинается во время семейного паломничества в Иерусалим на праздник Пятидесятницы. Девочка среди сожженной груди языческих идолов находит статуэтку из слоновой кости: „На резную фигурку налипшая земля, образуя покров похож на вуаль, но сквозь него проступали очертания обнаженного женского тела и потрясающей красоты лицо”¹⁰. Мария прячет свою находку, понимая, что найденная вещь не что иное, как идол, за который она будет наказана, но, одновременно, не понимая почему, стремится сохранить ее. Эмоционально-психологическое состояние героини, одиночество в переживании мистических событий и бессилие усиливается в описании душевных страданий. Магдалина понимает, что она не способна остановить действие идола Ашеры. Однако ее муки не

¹⁰ М.Джордж, *Тайная история Марии Магдалины*, Эксмо, Москва, 2009, с.24.

заканчиваются. Автор сознательно описывает постепенное овладение сознанием Марии семью демонами. Психологическое напряжение достигается благодаря приему „нанизывания» душевных переживаний героини. Магдалина становится одержимой другими шестью демонами: духом тьмы, отчаяния, повелителем злых ветров (пазузу), богохульным духом (хекет), демоном отчаяния, демоном мерзости и обреченности (рабицу): „Все они возились и набухали внутри, как ребенок в утробе, с той лишь разницей, что в отличие от ребенка им не ограничивались, а находились везде, проникая в самую ее сущность”¹¹. Детальность описательных характеристик каждого из демонов и физической беспомощности героини передают драматизм личностных переживаний.

Жизнь Марии становится настоящим воплощением адских мук, в ее сознании непрерывно звучали „голоса нечистых духов, которые, как ей казалось, говорили о том, что сосуд, который они выбрали, не представляет собой никакой ценности и разрушить его будет только забавно”¹²; „но демоны ежедневно наносили Марии невыносимые унижения, и, хотя к этому времени ей удавалось скрывать свою одержимость, она очень боялась, что ее тайна в любой момент может стать общим достоянием”¹³. Признание мужу в своей одержимости дает ей надежду на исцеление, но ни молитвы старого раввина Садок, ни принятие обета назорейства не освобождают ее. Единственным выходом становится уединение в пустыне и молитвенное очищение. Маленькая девочка, которая подобрала идола с детского любопытства, превращается в одержимую, изуродованную демонами женщину, вынужденную бежать из своего дома и забиться в пещеру, потеряв всякую надежду на возвращение к прошлой жизни.

Образ пустыни в романе является одновременно и реальностью, и символом. В христианской и иудейской культуре она имеет большое значение как место откровения (с Богом). Пребывания Христа в пустыне стало местом встречи с дьяволом. В данном аспекте пустыня – это также необходимость уединенной, необходимой встречи-битвы добра и зла. А. Касьянов, исследуя библейские мотивы и образы в фабулистике русского романа XX в., обобщает: „В романах, сюжет которых содержит в себе

¹¹ Idem, *Тайная...*, op. cit., с.262.

¹² Idem, *Тайная...*, op. cit., с.208.

¹³ Idem, *Тайная...*, op. cit., с.213.

новозаветные мотивы, человек становится центром сосредоточения противоборствующих сил добра и зла”¹⁴.

Важно то, что сюжет пребывания Магдалины в пустыне имеет много параллелей или даже возможных прямых заимствований из жизни Марии Египетской, о которой житийная литература сообщает, что она была блудницей. Исследователи отмечают, что это заимствование возможно пришло из IX в., а атрибуты из сюжета двух образов слились. Мария Египетская стала еще одной женщиной, чей образ соединился с Магдалиной и повлиял на восприятие ее как грешницы. Мария Магдалина до бессилия борется со шквалами ужасных демонов, но от отчаяния решается броситься со скалы. Оставшись в живых, она из последних сил стремится к мелькнувшему на горизонте Иордану.

Встреча Магдалины с Христом у Иордана стала ожидаемым исцелением. Теперь перед ней стоял не юный Иисус, которого она впервые встретила во время паломничества: „Впервые она подняла взгляд на лицо своего Спасителя, и, когда он словно приковал к себе ее взгляд, Мария увидела в глазах Иисуса целое новую жизнь. А предыдущее ее жизнь, казалось, каким-то таинственным образом перестало существовать, растаяло как сон”¹⁵. Христос предлагает Марии присоединиться к его ученикам. Магдалина понимает, что грандиозная перемена, произошедшая с ней требует изменений в ее жизни. Именно в этот момент ярко изображена внутренняя борьба плотского, душевного (желание вернуться в семью, увидеть дочку) и духовного, открытого через исцеление, которое стало катализатором новых жизненных поисков (желание следовать за Христом).

Отсутствие идеализации героини, постоянное внимание к внутреннему миру, многостороннее осмысление психологии нравственных страданий традиционно рассматривались в литературе XX в. (Г.Даниловский „Мария Магдалина”, Н. Казандзакис „Последнее искушение Христа”, М. Метерлинк „Мария Магдалина”). Историко-реалистический характер изображаемых евангельских коллизий во многих случаях служит для акцентуализации именно личных переживаний и духовных противоречий героини.

¹⁴ А.В.Касьянов, *Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века*, Пермь 2007, с.13.

¹⁵ *Idem*, *Библейские...*, *op.cit.*, с.275.

М. Джордж обращает внимание на личность Христа именно в момент встречи с Магдалиной. Традиционность изображения Мессии заключается не только в представлении его как символа, носителя морально-этических максим. Иисус в романе – реальный исторический персонаж, провозглашающий евангельские истины, исцеляющий больных и одержимых (Мару, Иоанну) и призывающий к поискам небесного, а не земного счастья: „– Нет. Я для того и пришел, чтобы жизнь, и твоя, и многих других, стала действительно хорошей, наполнилась смыслом”¹⁶. Евангельские учения провозглашаются в виде общедоступных реплик: „Что же на самом деле оскверняет человека, так это характерная для людей лживость, зависть, склонность к насилию”¹⁷.

Особое место в структуре произведения занимает образ Иуды, который появляется в кругу учеников во время уединения Христа в пустыне. Магдалина в письме описывает его появление: „А несколько дней назад у нас появился странный человек. Представь себе, появился вот так, просто, признался в том, направленный своим отцом шпионить за Иоанном Крестителем. Но, мне кажется, он возвел на себя клевету, на самом деле он пришел по собственному желанию, послушать знаменитого проповедника”¹⁸. Стремясь достичь исчерпывающей полноты изображения, М. Джордж передает психологизм внутреннего мира героя путем приема художественной детализации (портрет, пейзаж, мир вещей). Иуда говорит о себе: „Я счетовод, веду книги счетов, чтобы не было осложнений со сборниками подати. [...] Это мой основной заработок. Но он оставляет свободное время, и часть его я использую на сбор мозаик”¹⁹.

Фабула третьей части романа („Апостол”) построена на отношениях тезы и антитезы. Наиболее отчетливо проявляется стилистическая фигура антитезы, которая заключается в противопоставлении образов Магдалины и Иуды, их понимания Христа и сущности его учения. „В Иисусе заложена великая тайна”²⁰ – уверена Мария. Зато Иуда полон сомнений и недоверия, он ищет доказательств сверхъестественности Иисуса, для того чтобы поверить: „Я давно ищу человека, в честности которого не

¹⁶ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.277.

¹⁷ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.280.

¹⁸ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.308.

¹⁹ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.302-303.

²⁰ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.391.

буду сомневаться”²¹. Но одновременно он не способен „брать на веру все, что говорит Иисус, или понимать его буквально. Некоторые из его высказываний не имеют смысла”²².

Постижение библейских истин становится для Иуды невозможным: „– Я верил в него, – сказал Иуда, и его голос на время стал прежним. – Я искал ответы на множество вопросов и думал, что они у него есть. Они у него есть, но не те, которые я стремился получить. Или не те, которые мне были нужны. Не те. Е я готов был принять, даже если бы это нанесло мне боли. Но таких у него не нашлось. И поэтому, – он широко развел руки, и голос его снова приобрел фальшивого звучания, – последнее, что я мог для него сделать, – это защитить его от опасности. Неужели я не прав?”²³. Восприятие Иудой Христа становится философским обобщением всечеловеческого непонимание евангельского вероучения, и ведет к предательству.

Трагизм личности Иуды многопланово интерпретируется мировой литературой. Евангелие объясняет измену вмешательством дьявола и собственным корыстолюбием (Мф. 26:1-5; 14-16; Мк.14:1-2; 10-11; Лк. 22:1-6). Лаконичность и неубедительность евангельских сказаний способствовали формированию в литературе XX в. нескольких доминантных мотивировок поступка: Иуда – стяжатель, Иуда – „мученик мышления”²⁴, Иуда – „неудачник с доброй душой”²⁵, Иуда – символ духовной смерти, Иуда – олицетворение зла. Безусловно, „многосторонность трактовок образа Иуды мировой литературой подтверждает сложность и противоречивость евангельской загадки, поскольку в новозаветных текстах емко выражена одна из основополагающих проблем индивидуального бытия, вступающего в антагонистические отношения с общечеловеческим идеалом”²⁶. Литературные интерпретации XX ст. исследуют не сам факт предательства, а акцентируют внимание на морально-психологическую мотивировку его поступка (Х. Борхес „Три версии предательства Иуды”, Л. Андреев „Иуда Искариот», С. Черкасенко „Цена крови”, Леся Украинка „На поле крови”, Р. Иванычук „Евангелие от Фомы”,

²¹ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.435.

²² Idem, *Библейские...*, op.cit., с.641.

²³ Idem, *Библейские...*, op.cit., с.659.

²⁴ А.В.Татаринов, *Художественные...*, op.cit., с.359.

²⁵ Idem, *Художественные...*, op.cit., с.429.

²⁶ А.Нямцу. *Миф...*, op. cit., с.228.

„Смерть Иуды”, В. Дрозд „Искариот”, Н. Королева „Во дни оны” и др.).

Тотальное одиночество Иуды и Христа становится полярными точками отсчета добра и зла. А. Татаринев утверждает мысль, что в литературных апокрифах XX ст. „оформляется один из главных архетипов модернистской цивилизации – Иуда-Христос, который объединяет два евангельские героя, которые разведены по разным полюсам священного сюжета, в одну художественную личность. [...] В литературных апокрифах фигурой масштабной, Богочеловеком становится Иисус вместе с Иудой”²⁷. Путь Христа на Голгофу не предусматривает предварительного выбора: „– Да потому, что стезя, выбранная для меня единственная, которой я могу следовать. Другая для меня невозможна”²⁸. Иуда же одинок в замкнутости мук своего темного, хаотического мышления, не способен постичь радость нематериальности Христова царства. Он становится апостолом для таких же мучеников мышления, как он. Она предусматривает появление других предателей (иуд), не способных понять ответы на давно поставленные вопросы: „прежде чем продолжать движение вперед, нужно было победить таких Иуд”²⁹. Мария первой понимает двуликость Иуды, болезненно переживая его падение.

В романе введен традиционный для мировой литературы мотив любви Иуды к Магдалине (сравните интерпретацию мотива в романах Г. Панаса „Евангелие от Иуды” и С. Черкасенко „Цена крови”). Однако в отличие от романов XX в. отказ Магдалины в романе не становится катализатором усиления мировоззренческой антипатии Иуды к Христу, толчком к измене. Мария не воспринимает никакого оправдания Иуды, „увидев в его глазах ту пустоту, от которой ее пробрало холодом”³⁰. Для героини, исцеленной Христом, теперь самое главное свобода: от одержимости и людей, которые не понимают его служение, ведь „то, что произошло, и то, что еще должно произойти, казалось настолько волнующим и важным, что она ни за что не хотела отречься его”³¹. Наряду с самоотверженной любовью ко Христу в ней зарождается ненависть к Иуде, желание мести.

²⁷ А.В.Татаринев, *Художественные...*, op.cit., с.437.

²⁸ М.Джордж, *Тайная...*, op.cit., с.607.

²⁹ Idem, *Тайная...*, op.cit., с.674.

³⁰ Idem, *Тайная...*, op.cit., с.670.

³¹ Idem, *Тайная...*, op.cit., с.327.

М.Джордж характеризует Марию Магдалину чертами исключительности, избранности, которые выделяют ее из круга остальных апостолов, но одновременно не идеализирует. Воскресение Христа и явление всем апостолам способствовало духовному перерождению героини, которая осознает себя не просто исцеленной Христом, а его ученицей. Апостольскому служению Магдалины посвящена последняя часть романа („Апостол”), которая состоит из дневниковых записей Магдалины и ее писем к дочери, где описываются события после воскресения Христа. Именно в письмах и дневниковых записях приобретает завершенность литературный портрет Марии из Магдалы. Именно „секретность» истории Марии Магдалины, на которую уже в заглавии указывает автор, становится на страницах романа художественным откровением женщины, в которой ярко сочетались мучительная борьба души и плоти, любви и греха, земного и небесного.

Трансформация евангельской сюжетной модели в романе выводит Марию Магдалину в центр повествования, акцентируя внимание на драматизме личностных переживаний героини, эволюции духовных идеалов после встречи с Христом. В сложной художественной многомерности романа судьбы евангельских героев отличаются особой глубиной и значительностью. Одержимость, греховность Марии интерпретируется автором через познание запрещенного – идола (возможно, именно к этой версии подходит отождествление Магдалины с Евой, которая вкусила запретный плод).

Переосмысление современной литературой новозаветного материала проявляет тенденции создания сложного символического подтекста, где сюжеты и образы евангельского мира, вступая в взаимодействие с культурно-историческими и нравственно-психологическими реалиями и идеалами новой эпохи, усиливают насущные проблемы современности, отображенные в исконно метущейся человеческой душе.

Аннотация:

Переосмысление сакрального контекста евангельских структур в современной литературе

Литература XX в. основательно переосмысливает библейский материал, происходят поиски историчности евангельских образов

(Христа, Иуды, Понтия Пилата и др.), что, в частности, связано с выходом книги Э. Ренана „Жизнь Иисуса”, которую современные исследователи считают точкой отсчета в интерпретации евангельского материала. Делается попытка понять, по выражению А. Нямцу, „действия сознательных и непроизвольных антагонистов Иисуса, их внутренний мир с точки зрения представлений современного человека” [6, с. 197]. Главным становится художественное исследование объективных и субъективных факторов, которые сформировали ход новозаветных событий. Именно в этот период происходит „интерес” авторов к персонажам окружения Христа: Иуды, Понтия Пилата, Марии Магдалины, Вараввы, Клавдии Прокулы, апостолов. Эти герои получают собственную биографию романного типа и занимают центральное место в художественном произведении, приобретая право поучительного слова и определяя образ самого Христа.

Современный литературный процесс создает множество трансформационных интерпретаций традиционного материала. А. Нямцу отмечает, что „смысловая значимость образа Марии Магдалины и других евангельских грешниц в современной литературе характеризуется повышенным вниманием к их духовному миру, многоаспектным исследованием морально-психологических мотивировок сущностного изменения их образа жизни после присоединения к Христу. Это приближение человека к Богочеловеку осмысливается не как одномоментный акт, а как болезненный процесс борьбы в их душах между прошлым и настоящим, телесным и духовным, земным и идеальным” [6, с. 121].

Мир евангельского материала все больше распространяется в современном литературном пространстве. Традиционные сюжеты и образы становятся не неотъемлемой составляющей для преодоления общечеловеческих и личностных проблем современности, но и выполняют роль лакмусовой бумажки для проверки нашего времени на меру добра и зла: „Благодаря высокой степени социально-этических универсалий в традиционных структурах, они способствуют образованию в контексте литературного произведения своеобразной «программы» возможных действий индивидуума в той или иной экзистенциальной ситуации” [6, с. 13].

Цель статьи состоит в выявлении закономерностей функционирования евангельского сюжетно-образного материала и системном исследовании трансформации образа Марии Магдалины

в литературе XX – начале XXI в. (на материале художественных произведений М. Джордж и У. Валтоса).

Теоретико-методологической базой нашего исследования послужили следующие принципы и методы: историко-литературный, сравнительно-исторический, типологический, описательный, целостный, синхронный и диахронный подход к анализу процесса рецепции традиционных структур.

Научная новизна исследования заключается в изучении (отслеживании) эволюции интерпретаций евангельского сюжетно-образного материала в национальных литературах XX – начале XXI в., освещении различных аспектов трансформации традиционного материала с учетом онтологических, поведенческих и аксиологических особенностей. Научная новизна диссертационной работы заключается также в том, что она является первым концептуально целостным исследованием интерпретационной полифонии евангельского образа Марии Магдалины в современном литературном контексте и художественно-творческом сознании общества. Статья посвящена рассмотрению эволюции рецепции евангельского образа Марии Магдалины в художественных поисках писателей XX-XXI вв.

Результаты исследования важны для дальнейшего определения новых аспектов формально-содержательных трансформаций евангельского (новозаветного) сюжетно-образного материала в литературе XX – начала XXI веков, а также ориентации традиционных структур на национально-исторические, морально-этические и философские проблемы современности.

Практическое значение работы основывается на возможностях дальнейшего использования при исследовании теории функционирования традиционного материала в мировом литературном контексте, для разработки лекционных курсов по сравнительному литературоведению, истории зарубежной литературы, теории литературы, основ литературоведения и принципов сравнительного литературоведения, а также спецкурсов и спецсеминаров по проблемам поэтики и эстетики рецепции новозаветного сюжетно-образного материала в литературном процессе XX – начала XXI вв; подготовке учебно-методических изданий.

Ключевые слова:

сакральный контекст, евангельские структуры, литературная трансформация, архетип, Мария Магдалина.

The title in English:

A New Sense of the Sacred Context of the Gospel Structures in Modern Literature

Abstract (Summary)

Literature of the twentieth century thoroughly reinterprets biblical material and there is a search of the historicity of the Gospel images (such as Christ, Judas, Pilate, etc.), which, in particular, is associated with Renan's "Life of Jesus", which modern scholars believe to be a starting point in the interpretation of the Gospel material. An attempt is made to understand, in the words of A. Niamtsu, "the actions of conscious and involuntary antagonists of Jesus, their inner world from the point of view of the concepts of modern man". The main artistic research of objective and subjective factors that have shaped the course of New Testament events becomes crucial. During this period the authors were interested in the psychological environment of Christ: Judas, Pontius Pilate, Mary Magdalene, Barabbas, Claudia Prokuly and the Apostles. These main characters have their own biography of the novel's type and they are central to the work of art, getting the right to teach and define the image of Christ himself.

Modern literary process creates a lot of transformation of the traditional interpretations of the material. A. Niamtsu notes that "the semantic significance of the image of Mary Magdalene and the other evangelical sinners in contemporary literature is characterised by increased attention to their spiritual world and a multi-faceted study of the moral and psychological motivations of the essential changes in their lifestyle after joining Christ. This is the approach of man to God interpreted not as a momentary act as a/the painful process of struggle in their hearts between past and present, personal and spiritual, earthly and ideal".

The world of the Gospel material is spread throughout the modern literary space. Traditional stories and characters are not just an integral factor to overcome human and personal problems of the present, but also serve as a litmus test of measuring good and evil in our time: "Due to the high degree of social and ethical universals in traditional structures, they contribute to building a special "programme" of possible individual activities in various existential situations within a literary context. [education in the context original literary work "programme" of possible actions of an individual in a given existential situation" [6, p. 13]].

The purpose of this paper is to identify patterns of functioning of the Gospel story-shaped material and systemic research on transformation of the image of Mary Magdalene in the literature of the twentieth to the beginning of the twenty first century and based on the works of art of M. George and W. Valtos.

The theoretical and methodological basis of our study is based on the following principles and methods: history, literature, comparative-historical, typological, descriptive, holistic, synchronic and diachronic approach to the analysis of the reception of traditional structures.

The scholarly novelty of this research is to study the evolution of interpretations of the Gospel story-shaped material in the national literature of the 20th to the beginning of the 21st century and to explain various aspects of the transformations of the traditional material with the ontological, axiological and behavioral characteristics. The scholarly novelty of the thesis is also in the fact that it is the first study of the conceptual integrity of the interpretational polyphony of the Gospel of Mary Magdalene in the context of modern literary and artistic and creative consciousness of the society. The thesis is devoted to the evolution of the reception of the Gospel of Mary Magdalene in search of artistic writers of the 20th and 21st centuries.

The results are significant for further searching of new formal-content aspects of the Gospel (new testament) text transformation in the 20th and 21st c. literature and for orientating traditional structures towards national-historical, moral and philosophical problems of contemporary times.

Practically, it means the possibility of further application in the research of the theory of the traditional material function in the universal literary context, in the lectures on comparative literary science, history of foreign literature, theory of literature and in special courses and seminars concerning poetics and esthetics of perceiving the new testament story-shaped material within the literary process of the 20th to the beginning of the 21st c. in writing books on methodology and manuals.

The practical value of the work is based on the possibility of further use in the study of the theory of operation of the traditional material in the world literary context for the development of lecture courses in comparative literature, history, world literature, literary theory, literary criticism, and the foundations of the principles of comparative literature, as well as special courses and seminars on the poetics and reception aesthetics of New Testament story-shaped material in the literary process from the 20th to the early 21st century, development of training publications.

Key words:

sacral context, Gospel structures, literary transformation, archetype, Mary Magdalene.

The Title in Polish:**Tytuł w języku polskim:**

Nadanie nowego sensu sakralnemu kontekstowi ewangelicznych struktur w literaturze współczesnej

Abstrakt (Streszczenie)**Abstract (Summary) in Polish:**

Literatura XX wieku nadała gruntownie nowego sensu materiałowi biblijnemu oraz poszukiwała historyczności postaci ewangelicznych (Chrystusa, Judasza, Poncjusza Piłata). To kojarzy się z książką E. Renana *Życie Jezusa*, gdzie po raz pierwszy, zdaniem współczesnych badaczy, został zinterpretowany materiał ewangeliczny. Autorzy utworów literackich usiłowali zrozumieć „działania świadomych i mimowolnych antagonistów Jezusa, ich wewnętrzny świat z punktu widzenia pojęcia współczesnego człowieka” (A. Niamcu). Artystyczne badanie obiektywnych i subiektywnych czynników, które ukształtowały bieg nowotestamentowych wydarzeń, staje się czymś zasadniczym. W tym zakresie pisarze bardzo interesowali się bohaterami z otoczenia Jezusa (Judasz, Poncjusz Piłat, Maria Magdalena, Barabasz, Klaudia Prokuła [Claudia Procula], apostołowie). Ci bohaterzy mają życiorys własny powieściowego typu i zajmują tytułowe miejsce w utworze artystycznym, nabywając prawa do pouczającego słowa i określając postać Chrystusa.

Współczesny proces literacki tworzy mnóstwo transformacyjnych interpretacji tradycyjnego materiału. Zdaniem A. Niamcu, „znaczeniowa ważność postaci Marii Magdaleny i innych postaci ewangelicznych grzesznie charakteryzuje się tym, że w centrum uwagi znajduje się ich duchowy świat, a mianowicie moralnopsychologiczne uzasadnienia istotnych zmian ich postaci po przyłączeniu do Chrystusa. To zbliżenie człowieka z Bogoczłowiekiem nie jest jednokrotnym aktem, lecz bolesnym procesem walki w ich duszach: przeszłego z terażniejszym, cielesnego z duchowym, ziemskiego z idealnym.

Świat materiału ewangelicznego coraz bardziej rozpowszechnia się na przestrzeni literackiej. Tradycyjne fabuły i postaci, będąc nieodłącznym składnikiem w pokonaniu ogólnoludzkich i indywidualnych problemów, są papierkiem lakmusowym dla sprawdzenia dobrego i złego (dobra i zła) w naszym czasie. Dzięki wysokiemu stopniowi socjalnoetycznych uniwersaliów w strukturach tradycyjnych przyczyniają się do tworzenia się w kontekście utworu literackiego swoistego „programu” możliwych czynności indywiduum w różnych egzystencjalnych sytuacjach.

Celem artykułu jest wyjaśnienie regularności funkcjonowania ewangelicznego, fabularnego materiału i systemowe badanie transformacji postaci Marii Magdaleny w literaturze XX – pocz. XXI w. (w utworach artystycznych M.George i W.Valtosa).

Teoretyczną i metodologiczną bazą badania są takie zasady i metody: historycznoliteracka, porównawczohistoryczna (historycznoporównawcza), typologiczna, opisowa, całościowa; synchroniczne i diachroniczne ujęcie analizy procesu recepcji struktur tradycyjnych.

Naukowa nowość badania polega na studiowaniu (obserwowaniu) ewolucji interpretacji ewangelicznego, fabularnego materiału w literaturach narodowych XX – pocz. XXI w. oraz na wyjaśnieniu różnych aspektów transformacji tradycyjnego materiału z uwzględnieniem ontologicznych, zachowawczych i aksjologicznych osobliwości.

Uzyskane rezultaty są ważne dla dalszego poszukiwania nowych aspektów formalnotreściowych transformacji ewangelicznego (nowotestamentowego) materiału w literaturze XX – pocz. XXI w. oraz orientacji struktur tradycyjnych na narodowohistoryczne, moralnoetyczne i filozoficzne problemy współczesności.

Znaczenie praktyczne polega na możliwości dalszego wykorzystania w badaniach teorii funkcjonowania materiału tradycyjnego w powszechnym kontekście literackim, w opracowaniu wykładów literaturoznawstwa porównawczego, historii literatury obcej, teorii literatury oraz specjalnych kursów i seminariów dotyczących problemów poetyki i estetyki recepcji nowotestamentowego, fabularnego materiału w procesie literackim XX – pocz. XXI w., w napisaniu prac metodycznych i podręczników.

Słowa-klucze:

kontekst sakralny, struktury ewangeliczne, transformacja literacka, archetyp, Maria Magdalena.

Библиография / Bibliography / Bibliografia / Literature:

Bibliography in the Cyrylic Alphabet:

Список литературы на кириллице:

- Валтос У.М., *Магдалена. Кровь Христова*, Гелеос, Москва 2007, сс. 608.
Джордж М., *Тайная история Марии Магдалины*, Эксмо, Москва 2009, сс. 846.
Касьянов А.В., *Библейские мотивы и образы в сюжетостроении русского романа XX века*, Пермь 2007, сс. 246.
Лановик З., *Біблія як інтертекст світової літератури*, Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Літературознавство, голов. ред. Костусяк Н.М., р.: 2009, № 14, с.13-16.
Набитович І., *Sacrum і Біблія в українській літературі*, Ingvarr, Lublin 2008, ss. 812.
Нямцу А., *Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования)*, Рута, Черновцы 2007, сс. 520.
Нямцу А., *Русская фаустиана*, Рута Черновцы 2009, сс. 288.
Нямцу А., *Славянские литературы в общекультурном универсуме*, Черновицкий нац. ун-т, Черновцы 2012, сс. 520.
Татаринов А.В., *Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции*, Краснодар 2006, сс. 646.
Шейко-Медведева Н., *Ніч остання. Апокрифи про Зачаєних*, Піраміда, Львів 2008, сс. 352.

Bibliography in Latin Alphabet:

Список литературы на латинице:

- Frye N., *Words with Power. Being a Second Study of the Bible and Literature*, Viking, Ontario) 1992, pp. 372.
Jaspers K., *Der philosophische Glaube angesichts der Offenbarung*, R.Piper & Co. Verlag, München 1963, pp. 539.

Bibliography transliterated from Cyrylic into Latin Alphabet:

- Valtos U. M., *Magdalena. Krov' Hristova*, Geleos, Moskva 2007, ss. 608.
Džordž M., *Tajnaâ istoriâ Marii Magdaliny*, Ėksto, Moskva 2009, ss. 846.
Kas'ânov A.V., *Biblejskie motivy i obrazy v sūžetostroenni russkogo romana XX veka*, Perm' 2007, ss. 246.
Lanovik Z., *Bibliâ âk intertekst svitovoï literaturi*, Naukovij visnik Volins'kogo nacional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïнки. Literaturoznavstvo, glav. red. Kostusâk N.M., r.: 2009, № 14, s.13-16.
Nabitovič I., *Sacrum i Bibliâ v Ukraïns'kij literaturi*, Ingvarr, Lublin 2008, ss. 812.
Nâmcu A., *Mif. Legenda. Literatura (teoretičeskie aspekty funkcionirovanija)*, Ruta, Černovcy 2007, ss. 520.
Nâmcu A., *Russkaâ faustiana*, Ruta, Černovcy 2009, ss. 288.
Nâmcu A., *Slavânskie literatury v obškul'turnom universume*, Černovickij nac[nacional'nij]. un[iversite].-t. Černovcy 2012, ss. 520.

Tatarinov A.V., *Hudožestvennye teksty o evangel'skih sobytiâh: žanrovaâ priroda, npravstvennaâ filosofîâ i problemy recepcii*, Krasnodar 2006, ss. 646.

Šejko-Medvedêva N., *Nič ostannâ. Apokrifi pro Začaênih*, Pîramîda, L'viv 2008, ss. 352.

Information about the Author:

Aleksandra Tomorug, M.A., an assistant at the Yuriy Fedkovych National University in Chernivtsi (Černivci, Ukraine), master of philology, the Department of Slavic Studies and Comparative Literary, research interests: literature of foreign countries, comparative literature. E-mail: Sasha_nasha85[at]mail.ru

Александра Томоруг, магістр філології, асистент, Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича, Чернівці, Україна], кафедра слов'янської філології та порівняльного літературознавства, наукові інтереси: література зарубіжних країн, порівняльне літературознавство.
E-mail: Sasha_nasha85[at]mail.ru